

ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО ОТРАЖЕНИЯ СИСТЕМЫ ФОРМАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

© 2017 г. Константин Викторович Ображиев¹

В статье доказывается, что разрыв между официально признанными и реально применяемыми источниками права нарушает принцип правовой определенности. В сфере уголовного права, где требования определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм приобретают особую значимость, подобная ситуация представляется недопустимой. Чтобы обеспечить требуемую правовую определенность в сфере уголовно-правового регулирования, необходимо адекватное нормативное отражение фактической системы источников уголовного права, которое позволяло бы каждому заинтересованному лицу знать полный перечень правовых актов, содержащих уголовно-правовые нормы, а также их соотношение.

The article demonstrates that the gap between recognized and practically used sources of law violates the principle of legal certainty. This seems unacceptable for Criminal Law where certainty, distinctiveness and unambiguity of legal rules have exceptional importance. To ensure the needed level of legal certainty in criminal control, the system of practically applicable sources of law needs to have an adequate legal representation to provide easy access to a comprehensive list of legal instruments that would comprise the rules of Criminal Law and their correlation.

Ключевые слова: уголовное право, источники уголовного права, правовая определенность, принцип законности.

Key words: Criminal Law, sources of Criminal Law, legal certainty, principle of legality.

Система формальных источников уголовного права относится к типу управляемых систем, поскольку ее параметры во многом зависят от правотворческих органов, которые формируют нормативные основы ее функционирования: определяют, в каких правовых актах могут фиксироваться уголовно-правовые нормы; устанавливают характер связей между ними, их иерархию. Однако вследствие известной консервативности и инерционности управляющего воздействия на рассматриваемую систему ее нормативная регламентация не всегда адекватно отражает действительность, о чем, в частности, свидетельствует несовпадение официально признанных и фактически применяемых юридических источников уголовного права. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к ч. 1 ст. 1 УК РФ, в которой декларируется, что “уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса”, хотя на самом деле кодифицированный уголовный закон, при всей его значимости, — это лишь один из элементов уголовного законодательства.

Подобный разрыв между официально признанными и реально применяемыми источниками

права, характерный, пожалуй, для всех отраслей российского права, подрывает принцип правовой определенности, сущность которого заключается в том, чтобы правовые нормы были сформулированы с достаточной четкостью и позволяли лицу предвидеть, прибегая в случае необходимости к юридической помощи, с какими последствиями могут быть связаны те или иные его действия². Неадекватное законодательное отражение системы действующих источников права фактически лишает граждан возможности ознакомиться со всем массивом применимых правовых норм, а значит, и прогнозировать юридические последствия своего поведения, что несовместимо с требованиями правовой определенности.

В сфере уголовного права, где требования определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе общего правового регулирования приобретают особую значимость (на что неоднократно

¹ Заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, профессор (E-mail: okv79@mail.ru). Konstantin Obrazhiev, head of the chair on Criminal Law disciplines, Academy of Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (E-mail: okv79@mail.ru).

² См.: Постановления Европейского Суда по правам человека: от 26 апреля 1979 г. по делу “Санди Таймс” против Соединенного Королевства (№ 1)” (The Sunday Times v. UK), § 49; от 31 июля 2000 г. по делу “Йечиус против Литвы” (Jecius v. Lithuania), жалоба № 34578/97, § 56; от 28 марта 2000 г. по делу “Барановский против Польши” (Baranowski v. Poland), жалоба № 28358/95, § 50–52; от 28 октября 2003 г. по делу “Ракевич (Rakevich) против Российской Федерации”, жалоба № 58973/00, § 31; от 24 мая 2007 г. по делу “Игнатов (Ignatov) против Российской Федерации”, жалоба № 27193/02, § 74; от 24 мая 2007 г. по делу “Владимир Соловьев (Vladimir Solovyev) против Российской Федерации”, жалоба № 2708/02, § 86 // СПС “КонсультантПлюс”.

обращал внимание Конституционный Суд РФ)³, подобная ситуация представляется категорически недопустимой. Уголовное право является по своей природе крайним, исключительным средством реагирования на факты противоправного поведения, способным самым серьезным образом ограничивать права и свободы личности, в связи с чем “цена” правовой неопределенности в уголовно-правовом регулировании намного выше той, которую вынуждены “платить” субъекты иных правовых отношений.

Чтобы обеспечить требуемую правовую определенность в сфере уголовно-правового регулирования, необходимо не только надлежащее технико-юридическое формулирование уголовно-правовых норм, но и адекватное нормативное отражение фактически существующей системы источников уголовного права, которое позволяло бы каждому заинтересованному лицу знать полный перечень правовых актов, содержащих уголовно-правовые нормы, а также их соотношение. Иными словами, “адресат уголовного права, в какой бы роли он ни выступал, должен знать, какая информация ему необходима для получения уголовно-правовой оценки, либо для формулирования уголовно-правового суждения, либо для решения уголовно-правовой задачи. Адресат уголовного права должен знать, где эта информация содержится, какова степень ее обязательности (нормативности), в каком соотношении находятся блоки информации, содержащиеся в различных текстах”⁴.

К сожалению, в современных условиях адресатам уголовно-правовых норм (в особенности рядовым гражданам) получить соответствующую информацию крайне затруднительно, так как действующий УК РФ создает о системе юридических источников российского уголовного права весьма искаженное представление, с первой же статьи пытаясь убедить в том, что он является единственным актом уголовного законодательства. Как показывают опросы граждан⁵,

большинство из них (74.7%) считают, что уголовно-правовые нормы содержатся только в УК РФ, но 23.8% опрошенных знают о существовании иных источников уголовного права (1.7% респондентов затруднились с ответом). Таким образом, вне поля зрения граждан остается колоссальный массив уголовно-правовых предписаний, находящихся за рамками кодифицированного уголовного закона, что существенно ограничивает их возможности предвидеть уголовно-правовые последствия своего поведения, соизмерять его с действующим уголовным правом.

Впрочем, осведомленность правоприменителей о реально действующей системе юридических источников уголовного права также выглядит не лучшим образом. Так, например, 71.3% опрошенных⁶ не знают, что к числу источников российского уголовного права относятся постановления Европейского Суда по правам человека и, как следствие, не используют содержащиеся в них уголовно-правовые нормы в своей профессиональной деятельности; 41.0% респондентов не информирован о нормативном уголовно-правовом значении решений Конституционного Суда РФ.

Сложившаяся ситуация представляется абсолютно неприемлемой. Если государство действительно заинтересовано в соблюдении гражданами уголовно-правовых запретов, в правомерной реализации ими права на причинение вреда при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, в стимулировании позитивного посткриминального поведения, в соблюдении законности в ходе правоприменительной деятельности, то оно должно обеспечить всех адресатов уголовного права актуальной и, самое главное, полной информацией об уголовно-правовых нормах, что невозможно без адекватного нормативного отражения реальной системы юридических источников российского уголовного права.

Решение этой задачи в первую очередь предполагает *ликвидацию разрыва между фактически применяемыми и официально признаваемыми источниками уголовного права*, поскольку “правовое регулирование более эффективно тогда, когда реально действующие источники права исчерпываются официально признанными”⁷. Иными

³ См.: Определение Конституционного Суда РФ “Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации” от 10 июля 2003 г. // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 5.

⁴ Жалинский А. Э. О конституционности уголовного законодательства // В кн.: Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2009. С. 287.

⁵ Опрошено 517 граждан, не имеющих юридического образования, в 27 субъектах Российской Федерации.

⁶ Опрошено 110 судей из 69 субъектов Российской Федерации, 134 работника прокуратуры из 78 субъектов Федерации, 132 следователя Следственного комитета РФ из 73 субъектов Федерации, 123 научных сотрудника и преподавателя из 32 образовательных и научных учреждений.

⁷ Жукова-Василевская Д. В. Источники права России: тенденции формирования и развития. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 17.

словами, необходимо “легализовать” те формальные источники уголовного права, которые фактически используются в уголовно-правовом регулировании, но по тем или иным причинам не получили официального признания. Речь, конечно же, идет о постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, нормативная регламентация которых в качестве юридических источников российского права (в том числе и уголовного) давно назрела⁸. В этом отношении заслуживает самого пристального внимания законодательный опыт наших партнеров по Таможенному союзу — Республики Беларусь и Республики Казахстан.

Например, в Казахстане так называемые “нормативные постановления Верховного Суда Республики Казахстан”, которые с точки зрения функционального назначения являются аналогом постановлений Пленума Верховного Суда РФ, признаны формальным источником права на самом высоком — конституционном уровне. Согласно ч. 1 ст. 4 Конституции Республики Казахстан 1995 г. “действующим правом в Республике Казахстан являются нормы Конституции, соответствующих ей законов, иных нормативных правовых актов, международных договорных и иных обязательств Республики, а также нормативных постановлений Конституционного Совета и Верховного Суда Республики”. В развитие данных конституционных положений Закон Республики Казахстан “О нормативных правовых актах” от 24 марта 1998 г. относит нормативные постановления Верховного Суда Республики Казахстан к числу основных видов нормативных правовых актов (п. 5 ч. 2 ст. 3), а конституционный Закон Республики Казахстан “О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан” от 25 декабря 2000 г. наделяет Верховный суд Республики Казахстан полномочиями по принятию “нормативных постановлений” (п. 3 ч. 2 ст. 17).

Нормативный и общеобязательный характер постановлений Пленума высшей судебной инстанции официально подтвержден и в законодательстве Республики Беларусь. В соответствии с Законом Республики Беларусь “О нормативных правовых актах в Республике Беларусь” от 10 января 2000 г. постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь признаются разновидностью нормативных правовых актов (ст. 2). Более того, они включены в предмет конституционного нормоконтроля: согласно ст. 5 Закона

Республики Беларусь “О Конституционном суде Республики Беларусь” от 30 марта 1994 г. Конституционный суд Республики Беларусь рассматривает дела и дает заключения о соответствии актов Верховного суда Республики Беларусь Конституции, международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, законам, декретам и указам Президента Республики Беларусь. И если предписания, сформулированные в постановлении Пленума Верховного суда Республики Беларусь, признаются не соответствующими нормативным правовым актам с большей юридической силой, то Пленум Верховного суда Республики Беларусь обязан привести их в соответствие с Конституцией Республики Беларусь, международно-правовыми актами, ратифицированными Республикой Беларусь, законами, декретами и указами Президента Республики Беларусь (ст. 51 Кодекса Республики Беларусь “О судостроительстве и статусе судей” от 29 июня 2006 г.). Подзаконность постановлений Пленума Верховного суда Республики Беларусь обеспечивается и иными мерами. В частности, ст. 47 Кодекса Республики Беларусь “О судостроительстве и статусе судей” наделяет Председателя Верховного суда Республики Беларусь полномочиями выносить на рассмотрение Пленума Верховного суда Республики Беларусь представления о несоответствии его постановлений законодательству. В случае подтверждения такого несоответствия в постановление Пленума Верховного суда Республики Беларусь вносятся необходимые изменения.

Эти законодательные решения, на наш взгляд, могут быть применены и в отечественном праве (разумеется, с учетом специфики российской правовой и судебной системы), что позволит четко определить статус и правовое значение постановлений Пленума Верховного Суда РФ, очертить предмет их регулирования. Для этого требуется:

внести изменения в ст. 126 Конституции РФ, которая наделяет Верховный Суд РФ правом давать разъяснения по вопросам судебной практики, определив в ней обязательность соответствующих разъяснений⁹;

⁹Статья 126 Конституции РФ в имплицитном виде уже подразумевает обязательность разъяснений Верховного Суда РФ, так как право давать подобные разъяснения — это властное полномочие высшей судебной инстанции. Тем не менее, специально подчеркнуть это обстоятельство (обязательность разъяснений Верховного Суда РФ) будет явно не лишним, поскольку вопрос о юридических источниках применимого права не должен допускать ни малейшей неопределенности.

⁸Подробнее об этом см.: *Образиев К.* Постановления Пленума Верховного Суда РФ как формальные (юридические) источники российского уголовного права // *Уголовное право*. 2008. № 4.

внести изменения в ч. 4 ст. 19 Федерального конституционного закона “О судебной системе Российской Федерации” от 31 декабря 1996 г., в п. 1 ч. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона “О Верховном Суде Российской Федерации” от 5 февраля 2014 г., указав в них, что Верховный Суд РФ “дает судам *обязательные* разъяснения по вопросам судебной практики (предлагаемые изменения выделены курсивом)”;

наконец-то принять федеральный закон “О нормативных правовых актах Российской Федерации”, о необходимости которого говорится уже свыше 20 лет, отразив в нем нормативность и обязательность постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Официальное признание нормативности и обязательности постановлений Пленума Верховного Суда РФ позволит включить их в предмет конституционного нормоконтроля и тем самым создать препятствия для их выхода за рамки конституционно-правового поля; четко определить предмет их регулирования, который должен быть ограничен рамками подзаконной конкретизации закона и, в исключительных случаях, компенсацией пробелов в законодательстве; в полной мере распространить на них правила преодоления иерархических коллизий, обеспечив, таким образом, их соответствие закону; создать механизм разрешения темпоральной конкуренции содержащихся в них правовых норм, изменение которых, как известно, способно существенно скорректировать статус субъектов правовых отношений (улучшить или, напротив, ухудшить их положение).

Статус постановлений Пленума Верховного Суда РФ как юридических источников права должен быть определен не только в законодательстве о судебной системе, но и в УК РФ с целью информирования адресатов уголовно-правовых норм о том, что в этих постановлениях содержатся нормативные установления, значимые для выбора и прогнозирования юридических последствий тех или иных вариантов поведения.

Впрочем, это относится не только к постановлениям Пленума Верховного Суда РФ. В действующем законодательстве *следует зафиксировать максимально полную информацию о всех источниках уголовного права*, что будет способствовать определенности уголовно-правового регулирования, обеспечению доступности уголовно-правовых норм, позволит субъектам уголовно-правовых отношений при необходимости задействовать весь массив релевантных нормативных установлений, регламентирующих их статус. Эту информацию лучше всего отразить в УК

РФ, так как, во-первых, Кодекс является ядром, центром рассматриваемой системы, а во-вторых, рядовые граждане и правоприменители лучше знакомы именно с кодифицированным уголовным законом.

В УК РФ в первую очередь следует отразить полный состав уголовного законодательства. Нужно официально признать, что за рамками УК РФ остаются следующие акты уголовного законодательства:

оперативные уголовные законы, которые содержат дополнительные уголовно-правовые нормы, предназначенные для “обслуживания” генеральных уголовно-правовых установлений (например, Федеральные законы “О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации” от 13 июня 1996 г., “О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя” от 5 мая 2014 г.);

постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ об объявлении амнистии, которые являются источником генеральных уголовно-правовых норм, имеющих, по сути дела, исключительный характер, поскольку они допускают отказ от реализации ранее примененных или подлежавших применению положений УК РФ;

постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ о порядке применения принятых ею постановлений об объявлении амнистии, выполняющие функции оперативных уголовных законов;

постановления Правительства РФ, принимаемые в соответствии с примечаниями к статьям Особенной части УК РФ (например, “Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228¹, 229 и 229¹ Уголовного кодекса Российской Федерации” от 1 октября 2012 г.).

Отразив в УК РФ полный состав уголовного законодательства, логично было бы исключить из него известное предписание о том, что “новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс”. Оно давно вызывает нарекания в уголовно-правовой литературе, так как в УК

РФ включаются не сами “новые законы”, а содержащиеся в них уголовно-правовые нормы, причем не только те, которые предусматривают уголовную ответственность. Впрочем, дело даже не в очевидных технико-юридических неточностях этого предписания, а в его изначальной фиктивности, связанной с тем, что в УК РФ при всем желании невозможно включить все первичные уголовно-правовые нормы, не говоря уже о производных уголовно-правовых предписаниях. Основное функциональное предназначение рассматриваемого предписания ч. 1 ст. 1 УК РФ (“новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс”), по всей видимости, заключается вовсе не в обеспечении полной кодификации уголовно-правовых норм, а в том, чтобы исключить возможность их появления в законодательстве иных отраслей права. В современных условиях эта задача приобретает особую актуальность, в связи с чем запрет на регулирование уголовно-правовых отношений нормативными актами иной отраслевой принадлежности, подразумеваемый в ч. 1 ст. 1 УК РФ, должен получить более рельефное отображение. Представляется, что этот запрет, имеющий важнейшее значение для нормального функционирования системы юридических источников уголовного права, следует рассматривать в качестве составной части уголовно-правового принципа законности.

Наряду с указанием полного состава уголовного законодательства в ст. 1 УК РФ следует перечислить и иные формальные источники российского уголовного права, а точнее те из них, которые содержат собственно уголовно-правовые предписания, способные непосредственно регулировать общественные отношения, входящие в предмет уголовного права. В частности, необходимо четко сориентировать всех адресатов уголовно-правовых норм, что источниками российского уголовного права являются Конституция России, решения (постановления и определения) Конституционного Суда РФ, международные договоры РФ, постановления Европейского Суда по правам человека, подчеркнув при этом их иерархический приоритет перед уголовным законодательством. Что же касается источников бланкетной части уголовно-правовых норм, то их предпочтительнее отразить в ст. 3 УК РФ в рамках регламентации уголовно-правового принципа законности.

Нормативная регламентация системы формальных источников уголовного права предполагает не только адекватное законодательное

отражение ее состава, но и *четкое определение связей между различными ее элементами, и в первую очередь их иерархической соподчиненности*. Эта задача имеет важнейшее значение, так как “детальная регламентация вопросов иерархического построения системы источников российского права, с одной стороны, выступит в качестве одного из важнейших условий качества действующего нормативного, интерпретационного и правоприменительного массива, с другой — эффективного функционирования всей системы правовых актов”¹⁰.

Между тем приходится признать, что иерархическое соотношение различных форм права регламентировано в действующем законодательстве (прежде всего в Конституции РФ) фрагментарно и недостаточно определено. Отмечая это обстоятельство, большинство правоведов признают необходимость нормативного закрепления иерархии всех источников права. Полностью поддерживая эту научную позицию, отметим, что непростительная медлительность законодателя с принятием “закона о законах” должна стать толчком к регламентации иерархического соотношения формальных источников права и правил преодоления иерархических коллизий в отраслевом законодательстве, в том числе и в УК РФ.

Подобные предложения давно высказываются в уголовно-правовой науке. Однако они в большинстве своем касаются законодательной регламентации лишь отдельных коллизионных норм (как правило, правил разрешения иерархических коллизий УК РФ и международных договоров)¹¹. Не вдаваясь в анализ доктринальных проектов соответствующих норм, отметим, что они фактически воспроизводят (иногда чуть ли не дословно) конституционные положения. Между тем простое дублирование в УК РФ конституционных правил разрешения иерархических коллизий по большому счету не вызвано особой необходимостью, так как Конституция РФ — это нормативный правовой акт прямого действия.

В то же время нельзя не учитывать, что реальные или потенциальные субъекты уголовно-правовых отношений испытывают потребность

¹⁰ Толстик В. А. Иерархия источников российского права. Дисс. ... доктора юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 49.

¹¹ См., например: Кибальник А. Г. Современное международное уголовное право. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2010. С. 183; Коняхин В. П. Взаимосвязь международного и внутригосударственного уголовного права: законодательный и правоприменительный аспекты // Правоведение. 2010. № 6. С. 81–91.

в полной и максимально доступной нормативной информации об основных параметрах системы формальных источников уголовного права, в том числе и об их иерархической соподчиненности. Получить такую информацию будет намного проще в одном нормативном правовом акте, а именно в УК РФ. Кстати, именно такой подход реализован в других кодифицированных законах (в частности, в ГК, УПК и УИК РФ), в которых почти дословно воспроизводятся положения ч. 4 ст. 15 Конституции РФ о приоритете международных договоров.

И все же наиболее актуальной и важной задачей является регламентация в УК РФ уголовно-правовой специфики коллизионных правил. Говоря о специфике разрешения иерархических коллизий в сфере уголовно-правового регулирования, мы, конечно же, имеем в виду особенности иерархического соотношения международных договоров Российской Федерации и УК РФ. Дело в том, что иерархический приоритет международных договоров по отношению к УК РФ проявляет себя по-разному — в зависимости от вида расхождения между ними. В случае противоречия УК РФ с международным договором, не связанного с различным объемом криминализации деяний, приоритет международно-правовых норм означает возможность их непосредственного применения для регулирования уголовно-правовых отношений. Если же несоответствие УК РФ международному договору России состоит в том, что в национальном уголовном законе не предусмотрена норма об ответственности за деяние, преступность которого определена в международном праве, непосредственное применение соответствующей международно-правовой нормы исключено. В этом случае приоритет норм международного уголовного права заключается в возникновении у России международно-правового обязательства обеспечить соответствие УК РФ международному акту путем криминализации соответствующего деяния.

К сожалению, отмеченная специфика иерархического соотношения национальных и международных правовых актов в сфере уголовно-правового регулирования не получила законодательного признания. Прямой запрет на непосредственное применение международных договоров, предусматривающих уголовную ответственность, содержится лишь в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» от

10 октября 2003 г. Однако для столь важного вопроса, каким является вопрос о соотношении национального уголовного закона и международных договоров Российской Федерации, подобный уровень нормативной регламентации представляется явно недостаточным. Предписания, которые ограничивают конституционно признанный приоритет международных норм в сфере уголовно-правового регулирования, должны быть зафиксированы непосредственно в УК РФ.

Разумеется, регламентация субординационных связей между элементами системы формальных источников уголовного права не должна ограничиваться лишь указанием на примат Конституции России и ограниченный приоритет международных договоров РФ. В УК РФ следует отразить иерархическое соотношение и иных источников уголовного права, в частности положение о подчиненности кодифицированного уголовного закона и иных актов уголовного законодательства решениям Конституционного Суда РФ, постановлениям Европейского Суда по правам человека, равно как и подзаконный характер постановлений Пленума Верховного Суда РФ, требование об их соответствии уголовному законодательству.

Вполне очевидно, что нормативная регламентация системы юридических источников уголовного права не может ограничиться только корректировкой ст. 1 УК РФ, требуя пересмотра и иных учредительных уголовно-правовых предписаний. Прежде всего **нуждается в законодательной трансформации уголовно-правовой принцип законности**, который не учитывает объективно сложившуюся и реально функционирующую систему источников российского уголовного права. Как известно, ч. 1 ст. 3 УК РФ устанавливает императивное требование, согласно которому «преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом». Между тем этот уголовно-правовой императив давно приобрел характер юридической фикции, так как при бланкетной конструкции уголовного закона, которая получила весьма широкое распространение, преступность деяния устанавливается не только УК РФ, но и иными правовыми актами — источниками бланкетной части уголовно-правовых норм. Причем этот вывод нельзя считать лишь результатом научного теоретизирования; он официально подтвержден Конституционным Судом РФ, т.е. имеет нормативную основу.

Так, согласно Определению Конституционного Суда РФ от 10 июля 2003 г. № 270-О

*“декриминализация тех или иных деяний может осуществляться не только путем внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство, но и путем отмены нормативных предписаний иной отраслевой принадлежности, к которым отсылали бланкетные нормы уголовного закона...”*¹². Таким образом, Конституционный Суд РФ признал, что сфера преступного, а значит, и наказуемого поведения устанавливается УК РФ совместно с источниками бланкетной части соответствующих уголовно-правовых запретов.

Аналогичная правовая позиция получила отражение и в Определении Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2009 г. № 1486-О-О¹³. Оценивая конституционность ст. 172 УК РФ, Конституционный Суд РФ пришел к следующему выводу: *“Диспозиция оспариваемой заявителем статьи уголовного закона является бланкетной, соответственно, эта статья подлежит применению в системном единстве с положениями иных нормативных правовых актов”*. Следовательно, *“нарушение положений данных нормативных правовых актов, рассматриваемых во взаимосвязи с оспариваемой статьей уголовного закона, и определяет уголовную противоправность действий лиц, виновных в этом нарушении”*.

Впоследствии эта правовая позиция была подтверждена в Постановлении Конституционного Суда РФ от 17 июня 2014 г. № 18-П применительно к уголовно-правовому запрету на незаконный сбыт холодного оружия: *“Поскольку часть четвертая статьи 222 УК Российской Федерации не определяет ни признаки предмета данного преступления, ни признаки незаконности сбыта холодного оружия, противоправность соответствующего деяния, сопряженного со сбытом конкретных предметов, относящихся к тому или иному виду холодного оружия, должна устанавливаться, исходя из нормативных предписаний законодательных и подзаконных актов, предметом*

*регулируемых которых является порядок сделок с холодным оружием”*¹⁴.

Не соответствует действительности и продекларированное в ч. 1 ст. 3 УК РФ монопольное право кодифицированного уголовного закона на определение наказуемости деяний, а также иных уголовно-правовых последствий совершения преступления. При всей дискуссионности понятия *“уголовно-правовые последствия”* преступления, которое в науке уголовного права наделяется различным содержанием, к ним наряду с уголовным наказанием и иными мерами уголовно-правового характера следует отнести судимость, освобождение от уголовной ответственности, а также освобождение от наказания или его отбывания, поскольку обязательным их основанием (причиной) является совершение преступления. Между тем указанные уголовно-правовые последствия совершения преступления устанавливаются не только УК РФ, но и постановлениями Государственной Думы об объявлении амнистии, на основании которых от уголовной ответственности и наказания (его отбывания) освобождаются десятки тысяч лиц, а с лиц, отбывших наказание, снимается судимость.

Столь очевидные нарушения уголовно-правового принципа законности оцениваются в юридической литературе по-разному. Некоторые специалисты настаивают на недопустимости отклонения от предписаний ч. 1 ст. 3 УК РФ и требуют изменить сложившуюся ситуацию, добиваясь того, чтобы кодифицированный уголовный закон не только *“на бумаге”*, но и на деле был единственным источником уголовного права, определяющим преступность и наказуемость деяний, а также иные уголовно-правовые последствия совершения преступления. Однако при всей кажущейся привлекательности этой идеи реализовать ее на практике невозможно, так как для этого, как минимум, пришлось бы полностью отказаться от бланкетной формы конструирования уголовного закона, что в условиях развитой системы права совершенно нереально. В этой связи не остается ничего другого, как изменить сам принцип законности, скорректировав его таким образом, чтобы он отражал существование иных (помимо УК РФ) источников уголовного права, определяющих преступность деяния и его уголовно-правовые последствия. Причем сделать это

¹² См.: Определение Конституционного Суда РФ “Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации” от 10 июля 2003 г. // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 5.

¹³ См.: Определение Конституционного Суда РФ “Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прасолова Станислава Викторовича на нарушение его конституционных прав статьей 172 Уголовного кодекса Российской Федерации” от 1 декабря 2009 г. // СПС “КонсультантПлюс”.

¹⁴ См.: постановление Конституционного Суда РФ “По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона “Об оружии” в связи с жалобой гражданки Н. В. Урюпиной” от 17 июня 2014 г. // Там же.

необходимо как можно скорее, поскольку углубляющееся противоречие между предписанием ч. 1 ст. 3 УК РФ и реально функционирующей системой юридических источников российского уголовного права девальвирует уголовно-правовой принцип законности, что снижает значение отраслевых принципов в целом.

В процессе модернизации уголовно-правового принципа законности необходимо:

скорректировать предписание, согласно которому преступность деяния устанавливается только УК РФ. За кодифицированным уголовным законом следует сохранить исключительное право на определение признаков состава преступления, указав при этом, что содержание этих признаков может определяться Конституцией РФ, международными договорами Российской Федерации, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ, а в случаях, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ (например, ст. 143 УК РФ), — и законами, и иными нормативными правовыми актами субъектов Федерации;

подчеркнуть при этом недопустимость регулирования уголовно-правовых отношений нормативными правовыми актами иных отраслей права и тем самым исключить возможность формулирования в них самостоятельных уголовно-правовых норм, не имеющих бланкетной связи с уголовным законом;

уточнить, что основания и условия освобождения от уголовной ответственности, освобождения от наказания и отбывания наказания, снятия судимости могут устанавливаться не только УК РФ, но и постановлением Государственной Думы Федерального Собрания РФ об объявлении амнистии.

В рамках нормативной регламентации системы юридических источников российского уголовного права потребуются также *изменение существующих уголовно-правовых предписаний относительно действия уголовного закона во времени*. В частности, нуждается в корректировке ч. 1 ст. 9 УК РФ, в соответствии с которой «преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния». Не ставя под сомнение зафиксированное в ч. 1 ст. 9 УК РФ общее правило о перспективном действии норм уголовного права, отметим, что при использовании бланкетной формы конструирования уголовного закона преступность деяния определяется не только самим уголовным законом, но и иными источниками,

которые содержат бланкетную часть соответствующих уголовно-правовых норм (Конституцией РФ, международными договорами, нормативными правовыми актами иных отраслей права, подзаконными уголовно-правовыми актами). Следовательно, в подобных случаях преступность деяния должна устанавливаться уголовным законом и источником бланкетной части соответствующей уголовно-правовой нормы, действующими на момент совершения преступления.

Требует изменения и ст. 10 УК РФ, которая предусматривает правила обратной силы уголовного закона, так как улучшение или ухудшение статуса лица, совершившего преступление, может быть следствием изменения не только уголовного закона, но и иных формальных источников уголовного права.

Во-первых, уголовно-правовой статус лица, совершившего преступление, может быть изменен постановлением Государственной Думы об объявлении амнистии, в связи с чем на этот формальный источник уголовного права также должны в полной мере распространяться правила ст. 10 УК РФ. Это было подтверждено Конституционным Судом РФ, который установил запрет на применение акта об отмене амнистии, поскольку он ухудшает положение лица, совершившего преступление (Постановление от 5 июля 2001 г. № 11-П¹⁵).

Во-вторых, на положение лица, совершившего преступление, может самым непосредственным образом повлиять изменение источников бланкетной части уголовно-правовых норм. Признавая это обстоятельство, Конституционный Суд РФ распространил правила, сформулированные в ст. 10 УК РФ, на случаи, когда сфера преступного и наказуемого изменяется в результате изменений неуголовных нормативных правовых актов, в силу бланкетности связанных с уголовным законом. В частности, в своем Определении от 10 июля 2003 г. № 270-О Конституционный Суд РФ указал, что ст. 10 УК РФ и п. 13 ст. 397 УПК РФ «не исключают возможность придания обратной силы законам иной отраслевой принадлежности в той мере, в какой этими

¹⁵См.: постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 г. № 492-III ГД «О внесении изменения в постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан» от 5 июля 2001 г.

законами ограничивается сфера уголовно-правового регулирования”¹⁶.

В-третьих, улучшение (равно как и ухудшение) положения лица, совершившего преступление, может быть следствием изменения вторичных уголовно-правовых предписаний, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ¹⁷.

Таким образом, дефектность ч. 1 ст. 9 и ст. 10 УК РФ заключается в том, что они регламентируют правила действия во времени лишь уголовного закона, тогда как квалификация преступления

осуществляется на основании системы источников уголовного права; не учитывают, что положение лица, совершившего преступление, может быть улучшено вследствие трансформации бланкетной части уголовно-правовой нормы либо конкретизирующих уголовно-правовых предписаний, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. В подобных случаях ретроспективное действие имеет не уголовный закон (он как раз остается неизменным), а *изменившаяся уголовно-правовая норма*, которая улучшает положение лица, совершившего преступление. По этой причине в ст. 9 и 10 УК РФ правильнее было бы регламентировать действие во времени не уголовного закона, а *уголовно-правовых норм*.

Практическая реализация вышеизложенных законодательных инициатив позволит обеспечить адекватное нормативное отражение фактически существующей системы формальных источников уголовного права, четко определить их соподчиненность и функциональное предназначение, что в конечном счете будет способствовать повышению эффективности рассматриваемой системы и уголовно-правового регулирования в целом.

¹⁶ Это правило не распространяется на технико-юридические предписания, выступающие в качестве бланкетной части ряда уголовно-правовых норм, которые не имеют обратной силы. Кроме того, рассматриваемая правовая позиция Конституционного Суда РФ не применяется в случаях, когда неуголовное законодательство, в силу бланкетности связанное с УК РФ, не допускает обратной силы своих предписаний (см.: *Пикуров Н. И.* Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава. М., 2009. С. 164; *Его же.* Установление пределов действия уголовного закона во времени с учетом межотраслевых связей // *Уголовное право.* 2012. № 5. С. 105, 106).

¹⁷ См.: *Ображиев К. В.* Действие уголовно-правовых норм во времени: проблемы теории и практики // Там же. 2016. № 2. С. 59–66.